

Оглавление

Предисловие	7
ГЛАВА 1	
«Круг чтения» и формирование авторской идентичности: Марина Цветаева и Максимилиан Волошин	15
1.1. Байронический vs. пушкинский поэтический код в структуре авторского мифа М. Цветаевой	15
1.2. Беттинин сюжет в цветаевском самоопределении	49
1.3. Анри де Ренье — в «круге чтения» М. Цветаевой	64
1.4. Анри де Ренье vs. Генрих Манн — ошибочное и утаенное чтение .	78
1.5. Анри де Ренье и пушкинский канон	94
ГЛАВА 2	
Ложные воспоминания в автометадискурсе М. Цветаевой («Живое о живом»)	101
2.1. «Брюсов напишет статью...»	105
2.1.1. Дискуссия о «русском стиле» в критике 1910-х — нач. 1920-х гг.	105
2.1.2. «Грешница на исповеди в Госиздате»: М. Цветаева в ранней советской критике... ..	145
2.1.3. «Внутренний город» М. Цветаевой в оценках О. Мандельштама и критики русского зарубежья	168
2.1.4. «А хороший был бы Петухов поэт...»	225
2.2. «Яблоновский напишет статью...»	229
2.2.1. Зарубежный съезд — 1926: самоопределение фельетониста	229
2.2.2. М. Цветаева и парижские литературно-политические корпорации: первое столкновение	263

ГЛАВА 3

Максимилиан Волошин: путешествие как обретение

идентичности	284
3.1. Италия в самоопределении М. Волошина	285
3.2. Рим М. Волошина: рождение поэта	313
3.3. Неаполь и Коктебель в самоопределении М. Волошина	324
Заключение	342
Литература	345
Приложения	356
Приложение 1. Вокруг статьи М. Цветаевой «Поэт о критике»	356
Приложение 2. М. Волошин: «Последнее видение» в «Живое о живом» ..	367
Приложение 3. Ad memoriam. Отклики на смерть М. Волошина на страницах газеты «Последние новости»	375
Приложение 4. Алексей Ремизов в газетной полемике 1925–1926 гг.	383
Приложение 5. Апология нормы: Александр Яблоновский	388
Приложение 6. Александр Яблоновский глазами писателей-эмигрантов .	404
Именной указатель	411

Предисловие

Одним из важных вопросов филологической науки является нахождение адекватного языка описания для особого типа поэтической личности, рожденной модернистским самосознанием. Активно включающий метапоэтические компоненты непосредственно в ткань произведения, постоянно сам себя комментирующий и интерпретирующий поэт всегда оказывается впереди исследователя, расставляя ловушки и отправляя его плутать «своими путями». Предлагаемая работа посвящена наиболее показательным в таком отношении, на наш взгляд, поэтическим личностям — Максимилиану Волошину и Марине Цветаевой.

В центре нашего научного интереса — эссе М. Цветаевой «Живое о живом» (1932–1933), посвященное памяти ушедшего друга, а также модели поэтического самосознания Цветаевой и Волошина, через описание которых проясняется значение другой поэтической личности и чужих произведений в самоопределении художника. Для решения этой задачи мы привлекаем тексты обоих авторов различной жанровой природы, а также ряд интертекстуальных источников. В реконструкции литературной среды используется периодика 1910–1930-х годов и архивные материалы. Мы принимаем представления Х. Блума о внутренних «двигателях» литературного процесса, которыми становятся: «перечитывание» сильных текстов, уже утвердившихся в культуре, борьба «старших» и «младших» поэтов за возможность обновления канона и попадание в пантеон классиков¹. Попробуем в такой оптике, адаптированной нами к

¹ Bloom H. *The Western Canon: The Books and the School of the Ages*. San Diego, 1994; Блум Х. *Страх влияния. Карта перечитывания*: пер. с англ. / Пер., сост., примеч., послесл. С. А. Никитина. Екатеринбург, 1998.

культуре русского модернизма, посмотреть на фигуры Волошина и Цветаевой.

В настоящее время текст «Живого о живом» известен в трех редакциях. Две из них (личный экземпляр М. Цветаевой и еще одна редакция текста, переданная поэтом в 1938 году в пражский «Русский культурно-исторический музей») хранятся в РГАЛИ. Кроме того существует еще одна редакция текста, которая хранится в Базеле². Архивные материалы представляют собой оттиски / вырванные тетрадки из журнала «Современные записки» (1933, № 52–53), где в сокращении впервые было напечатано «Живое о живом», а также машинописные вставки, вероятнее всего 1938 года, когда текст эссе был восстановлен. Так в пражской редакции на полях оттиска появляется симптоматичная цветаевская помета: «Все ныне машинные вставки были выброшены В. В. Рудневым³ как “неинтересные для среднего читателя”». Сейчас восстанавливаю вещь в целость, к сожалению — не от руки⁴.

Мы не ставим себе задачей решение множества сложнейших текстологических проблем, связанных с будущей публикацией «Живого о живом», выявленных при работе с архивными источниками, так как это требует отдельного исследования. Отметим лишь некоторые их особенности, которые важны для нас, прежде всего в связи с вопросом датировки произведения. Во всех сохранившихся редакциях указаны дата и место окончания работы над текстом —

² Благодарим Е. И. Лубянникову за предоставленную возможность работы с копией базельской редакции эссе «Живое о живом» из ее домашнего архива, а также подробные объяснения, связанные с непростой историей публикации произведения. Отметим, что базельская редакция текстуально приближена к экземпляру Марины Цветаевой.

³ Редактором «Современных записок». — С. К.

⁴ РГАЛИ. Ф. 1190. Оп. 2. Ед. хр. 83. Л. 80 об. Атмосферу, в которой Цветаева весной и летом 1938 г. занималась бесконечным умножением своих текстов — перед отъездом и страшной войной, передают ее личные письма. Например, письмо Цветаевой, адресованное Ариадне Берг от 5 мая 1938 г.: «Простите, что не приветствовала Вас на Пасху, но я о Вас думала. Я страшно занята правкой своих оттисков — все это лежало и ждало — и дождалось. Иных — по 8 экземпляров, т. е. одну опечатку нужно исправлять 8 раз, а опечаток — гора: кишит! Живу в кухне, где единственный большой стол, с которого изгнала все кухонное, — живу между (Вашим!) продовольственным ящиком — и рукописным — и все время ими ошибаюсь и все время о них ударяюсь» (*Цветаева М. И.* Собрание сочинений: В 7 т. М., 1998. Т. 7. Кн. 2. С. 108).

«Кламар, 27 февраля 1933 года», что косвенно подтверждается и перепиской поэта, и газетным источником — фрагментом из воспоминания беглеца из Советской России М. Москвина «Хождение по ВУЗам»⁵, использованным Цветаевой в финале произведения. Однако стоит отметить, что первая — не дошедшая до нас — редакция «Живого о живом» уже существовала в 1932 году. В октябре 1932 года Цветаева выступала с произведением перед парижской публикой, а два варианта синопсиса ее выступления, опубликованных в «Последних новостях» — последовательно 9 и 13 октября 1932 года, свидетельствуют о том, что композиционно эссе сложилось уже к этому времени:

13 октября в Доме Мютюалита (24, рю Сан-Виктор, зал К) Марина Цветаева прочтет свои воспоминания о поэте Максимилиане Волошине «Живое о живом».

Краткое содержание: Первая встреча — Удачные стихи и неудачный подарок — Черубина де Габриак — Мифотворчество — Как меня Макс подарил или проиграл — Мать Макса — Детство Макса — Вход с Максом в Аид — Макс и собаки — Поэтесса Мария Паппер — С Максом у екатерининских колонистов и т. д.

Начало в 9 час. веч. Билеты при входе⁶.

Таким образом, в истории русской культуры эссе «Живое о живом» зафиксировано во множестве вариантов. Первые из них (текст, прочитанный Цветаевой на литературном вечере, и сокращенная версия, опубликованная в «Современных записках») были известны современникам, поэтому для изучения рецепции произведения Цветаевой необходимо использовать именно журнальную публикацию. Следующие авторские варианты (рукопись 1932—

⁵ Москвин М. Хождение по ВУЗам — XXI // Последние новости. 1933. 16 января. № 4317. С. 2. Текст этой газетной публикации полностью приведен в «Приложении № 2» нашей работы.

⁶ О М. Волошине: Доклад Марины Цветаевой // Последние новости. 1932. 9 октября. № 4218. С. 4. Другой, дополняющий вариант «краткого содержания»: «Первая встреча — Как меня Макс подарил или проиграл — Мать Макса — Детство Макса — Вход с Максом в Аид — Мифотворчество. — Миротворчество — Встреча 14 года — Октябрь 17 года и последняя встреча — Макс и война — Макс и революция — Конец матери поэта — Конец поэта» (О М. Волошине. Доклад Марины Цветаевой // Последние новости. 1932. 13 октября. № 4222. С. 4).

1933 годов, а также машинопись, сданная в журнал, и корректуры текста) утрачены. В маргиналиях на полях журнальных оттисков Цветаева проставляет в качестве даты «окончательной правки» — «5 апреля 1938 года»⁷, оставляя не проясненной ситуацию с источником, заложенным в основу машинописей. Косвенное указание на то, что текст машинописей относится все же к 1932–1933 годам, содержится в цитатном фоне эссе. Так в составе четвертой машинописной вставки, посвященной Елене Оттобальдовне Кириенко-Волошиной и детству поэта, появляются следующие строки:

О ее тогдашней красоте. Возглас матроса, видевшего ее с одесского мола, купающейся: — И где ж это вы, такая красивая рóдитесь?! — самая совершенная за всю мою жизнь словесная дань красоте, древний возглас рыбака при виде Афродиты, возглас — почти что отчаяния! перекликающийся во мне с недавними строками пролетарского поэта Петра Орешина, идущего полем:

Да разве можно, чтоб фуражки
Пред красотой такой не снять?⁸

«Недавние строки» Петра Орешина из стихотворения «Себя давно мы разлюбили...», которые воспроизводит Цветаева, напечатаны в составе поэтического сборника «Вторая трава», вышедшего в конце 1933 года. Однако подборка стихотворений Орешина, включающая и этот текст, была опубликована летом 1932 года в журнале «Новый мир»⁹. Такой факт позволяет определить дату источника, по которому были сделаны машинописи, это — вторая половина 1932 года, когда строки Орешина были действительно «недавними». В 1938 году Цветаева вносит в текст 1932 года новую правку. Например, в четвертой вставке в трех редакциях наблюдается порядка 26 разночтений, большая часть которых была внесена рукой Цветаевой во время последней правки текста, однако аспекты поэтики эссе «Живое о живом» существенно корректируются только в трех случаях.

⁷ РГАЛИ. Ф. 1190. Оп. 2. Ед. хр. 83. Л. 30.

⁸ РГАЛИ. Ф. 1190. Оп. 2. Ед. хр. 83. Л. 55. Грамматика, орфография и пунктуация М. Цветаевой. Курсив соответствует авторским подчеркиваниям.

⁹ Орешин П. Лирика // Новый мир. 1932. № 7/8. С. 137–138. Благодарим И. Е. Лощилова за помощь в уточнении даты первой публикации.

Комплекс всех этих обстоятельств позволяет нам поменять датировку произведения с 1932 года, как это обозначено в Собрании сочинений Цветаевой, на 1932–1933 годы, так как авторская дата окончания работы над текстом подтверждается и другими источниками¹⁰. Но, безусловно, описывая историю текста, нужно учитывать и анализировать отдельно существенный слой правки 1938 года. Все цитаты из эссе «Живое о живом» сверены с экземпляром Марины Цветаевой¹¹, принятым нами в качестве основного текста.

Исследования авторской идентичности в современном литературоведении посвящены различным аспектам изучения поэтической личности, а также отношениям поэта и литературной среды. В качестве примера стоит назвать работу Н. Ю. Грякаловой¹², посвященную становлению форм творчества, эстетической рефлексии и литературного поведения модернистов, но выполненную на ином литературном материале. Авторская идентичность М. И. Цветаевой стала предметом особого исследовательского интереса И. Д. Шевеленко. Ее монография посвящена в целом творческому пути / литературной биографии Цветаевой, каждый этап которой характеризуется сменой (или уточнением) метадискурсов и обновлением авторской идентичности¹³. Кроме того, хочется отметить многочисленные работы Р. С. Войтеховича, посвященные мифопоэтике и интертекстуальности цветаевских текстов, с которыми мы находимся в диалоге¹⁴.

¹⁰ См., например, письма Цветаевой своему редактору В. Рудневу от 12 января 1933 г. Вместе с письмом поэт посылает редактору первую часть «Живого о живом», попутно сообщая о том, что вторая часть «еще не переписана» (*Цветаева М. И., Руднев В. В.* Надеюсь — сговоримся легко: Письма 1933–1937 / Издание подготовлено Л. А. Мнухиным. Предисл. В. К. Лосской. М., 2005. С. 14). Однако вторая часть текста будет отправлена редактору только в конце февраля, причем с существенными дополнениями (Там же. С. 16; письмо Цветаевой от 2 марта 1933 г.).

¹¹ РГАЛИ. Ф. 1190. Оп. 2. Ед. хр. 83. Л. 1–69. Российский государственный архив литературы и искусства. Здесь и далее — РГАЛИ.

¹² *Грякалова Н. Ю.* Человек модерна: биография — рефлексия — письмо. СПб., 2008.

¹³ *Шевеленко И. Д.* Литературный путь Цветаевой: Идеология — поэтика — идентичность автора в контексте эпохи. М., 2002.

¹⁴ *Войтехович Р. С.* Марина Цветаева и античность. М. — Тарту, 2008. Отметим также некоторые монографические исследования, внесшие значительный вклад как в изучение «Живого о живом», так и в целом прозы Цветаевой:

Удачная попытка преодолеть представление о жанре эссе «Живое о живом» как сугубо документальном¹⁵ содержится в объемной статье А. Смит. Жанровый изоморфизм этого произведения исследователь рассматривает в контексте современной Цветаевой бергсоновской философии: «Совершенно очевидно, что жанр мемуаров Цветаева воспринимает по-бергсоновски как нечто флюидное, пытаясь в рамках этого жанра совместить разные временные пласты, представив их как часть творческого эволюционного процесса, в котором совмещаются события разных эпох и разных географических пространств»¹⁶. Нам чрезвычайно близко такое представление.

Первая глава работы «“Круг чтения” и формирование авторской идентичности: Марина Цветаева и Максимилиан Волошин» посвящена приемам репрезентации в «Живое о живом» своего юношеского круга чтения (А. де Ренье, Г. Манн, Б. фон Арним), а также самому сценарию вхождения поэта в литературу. Во второй главе «Ложные воспоминания в автومتадискурсе Цветаевой»

Осипова Н. О. Творчество М. И. Цветаевой в контексте культурной мифологии Серебряного века. Киров, 2000; *Геворкян Т.* На полной свободе любви и дара: Индивидуальное и типологическое в литературных портретах М. Цветаевой. М., 2003; *Ляпон М. В.* Проза Цветаевой. М., 2010. Отдельно стоит указать две работы психолога С. Лютовой: *Лютова С. Н.* Марина Цветаева и Максимилиан Волошин: эстетика смыслообразования. М., 2004; *Лютова С. Н.* Волошин и Цветаева: от младосимволизма к постмодерну. М., 2014. Несмотря на заявленные в названиях эстетические категории, обе работы С. Н. Лютовой написаны вне диалога с современной филологической мыслью, на языке «интегративной психологии».

¹⁵ Необычность цветаевских жанровых форм отмечали исследователи прозы Цветаевой (Геворкян: 2003; Шевеленко: 2002). В контексте нашей работы актуальна статья И. Шевеленко, посвященная жанровым исканиям в ранней прозе М. Цветаевой. Исследователь объясняет проявившийся в начале 1920-х гг. интерес Цветаевой к эссеистике «новым самоощущением в литературе» и, кроме того, замечает: «Можно сказать, что эссеистика создавала мифологию поэтики, жившую достаточно автономной по отношению к поэтической практике жизнью, но вырабатывающей словарь для идеологизации этой практики» (*Шевеленко И. Д.* В поисках жанра: проза Цветаевой начала 1920-х годов // Дни Марины Цветаевой — Вшеноры 2000: новые результаты исследований. Международная конференция 12–14 июня 2000. Вшеноры и Прага. Прага, 2002. С. 225).

¹⁶ *Смит А.* Мемуарный очерк Марины Цветаевой Живое о живом (1932 г.) в контексте мифотворческих тенденций российского и европейского модернизма 1910-х — 30-х годов // *Autobiografija*. 2012. № 1. С. 169.

изучается фикциональный срез цветаевского текста, определяется метадискурсивная природа вымышленных эпизодов, в которых транслируются творческие принципы поэта. В третьей главе «Максимилиан Волошин: путешествие как обретение идентичности» мы обращаемся к поэтическому самоопределению молодого М. Волошина, которое произошло во время путешествия в Италию. Также в этой главе устанавливаются источники коктебельского мифа и взаимосвязь пространственного самоопределения Волошина с близкими «фигурами» в цветаевском метадискурсе («местами души»).

Из списка литературы исключены архивохранилища, а также периодика 1910–1930-х годов, так как библиографические описания единиц хранения и использованных в монографии статей приводятся в постраничных примечаниях. В приложении представлены актуальные для Цветаевой два фельетона А. Яблоновского — «Дамский каприз» и «Хвост писателя», найденные нами и введенные в научный оборот, а также ряд важных материалов, связанных с культурно-политическими контекстами русского зарубежья. Приложение ассоциировано с основным текстом работы, ссылки на представленные материалы даются внутри текста монографии.

Сердечно благодарю друзей и коллег за интерес к моей работе, ценные советы и замечания, которые я постаралась учесть. Хочется сказать спасибо коллегам и друзьям-цветаеводам — И. Ю. Беляковой, Р. С. Войтеховичу, Е. И. Лубянской, А. Смит — за всестороннюю и неоценимую помощь на всех этапах работы. Благодарю всех своих новосибирских друзей и коллег по проекту «Открытая кафедра»: Н. О. Ласкину, И. Е. Лощилова, А. Е. Москалеву, И. В. Силантьева, Г. А. Жиличеву, С. А. Ромашенко, Е. В. Тырышкину, Н. А. Муратову — за научную атмосферу, интерес к моей работе, расширение культурных контекстов. И главное, за дружбу. Отдельная благодарность моему учителю Ю. В. Шатину — за веселую науку и прекрасные образцы анализа, к достижению уровня которых можно стремиться всю филологическую жизнь. Кроме того, выражаю признательность Ю. Н. Чумакову — за теперь уже моего Пушкина. К сожалению, невозможно поблагодарить основателя нашего хрупкого филологического мира Н. Е. Меднис. Я всег-

да буду помнить ее любовь к живой научной мысли и к Италии. Спасибо Т. И. Подкорытовой и В. Хазану — за филологическую щедрость и интерес к моим разысканиям. Огромное спасибо моим петербургским коллегам — А. Г. Тимофееву и А. М. Грачевой, за помощь в уточнении источников. Спасибо всем сотрудникам архивохранилищ за неформальное отношение к моей теме и ко мне лично — М. М. Павловой, Е. Р. Обатниной, Д. В. Неустроеву, В. И. Масловскому.

Благодарю в целом Институт мировой литературы РАН за поддержку моего исследования, а также читателей моей работы и рецензентов — Т. И. Радомскую, В. В. Полонского, Д. Д. Николаева, Ю. А. Азарова, В. Н. Терехину, Е. Ю. Куликову. Исследование не состоялось бы без всесторонней поддержки Н. В. Корниенко, которой говорю большое спасибо за всё, в том числе и за помощь в издании книги.

«КРУГ ЧТЕНИЯ» И ФОРМИРОВАНИЕ АВТОРСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: МАРИНА ЦВЕТАЕВА И МАКСИМИЛИАН ВОЛОШИН

1.1. БАЙРОНИЧЕСКИЙ VS. ПУШКИНСКИЙ ПОЭТИЧЕСКИЙ КОД В СТРУКТУРЕ АВТОРСКОГО МИФА М. ЦВЕТАЕВОЙ

Среди текстов М. Цветаевой, объясняющих ее творчество, особое место занимает эссе, посвященное памяти М. Волошина, — «Живое о живом» (1932–1933). Его значимость определяется актуальным моментом, важным в поэтической автоинтерпретации: вступлением поэта — юной Марины Цветаевой — в литературу. При этом естественным «проводником» поэтического «собрата» в литературный мир становится именно Волошин. В цветаевской поэтической логике, балансирующей в поле напряжения между индивидуально-личными и универсальными общепоэтическими аспектами искусства, объект воспоминаний неотделим от вспоминающего субъекта. Например, обосновывая перед редактором берлинской «Новой русской книги» А. Яценко метод своей прозы, Цветаева определит свое кредо следующим образом: «Я свою автобиографию пишу через других, т. е. как другие себя¹, могу любить исключительно другого»².

Утверждение авторского права на субъективность, замещение ею позиции *правды* в оппозиции *правда / ложь*, актуальной в ее оценках мемуарной продукции современников — общее место в цветаевском автометадискурсе, что вполне соотносимо с общемо-

¹ Курсив Цветаевой.

² Цветаева М. И. Собр. соч.: в 7 т. М., 1998. Т. 6. Кн. 1. С. 221.